

Чувствую, как мои кеды намокают. Дорога испещрена ямами, и под хлещущим ливнем они заполняются водой. Я стараюсь их перескакивать, как-то маневрировать между ними, но на дворе ночь, под ногами темно, и время от времени я все равно попадаю в них.

Видимо, на мой район всем наплевать. Асфальт здесь не ремонтировали со времен глубокого «совка». Я ненавижу «совок», хоть и знаю о тех позорных временах немножко, тогда я был еще слишком мал. Последние четыре года моей жизни я борюсь с его мерзким наследием у нас в стране. И моя роль значимая, я так думаю. Обидно вдвойне, что наша новая власть не хочет заделать эти полуразрушенные дороги.

Я возвращаюсь домой после силовой тренировки. На мне серая толстовка с капюшоном. Капюшон должен предохранять мою голову от холодных капель ноябрьского дождя, но я все равно чувствую, как сквозь него просачивается вода. Волосы мои мокнут. Также на мне джинсы, сплошь атакованные каплями, и черная куртка с подкладкой, которая почему-то слабо согревает. Но мне не очень холодно. После «трени» тело разгорячено. Я ощущаю приятную боль в мышцах.

Привычный вид совдеповских жилых построек – пятиэтажных облезлых домов, выстроившихся в ряд и плотно прилегающих друг к другу, – нагоняет тоску. Убогий район. Наш подъезд четвертый. Сейчас кликну магнитом и, как бегун, полечу вверх по лестнице на третий этаж. В нос привычно ударит запах кошачьей мочи, сопровождающий наш дом по жизни. Но это мелочь. Любые неприятные мысли отступают перед голодом. Я голоден как лев, ведь почти ничего не ел днем. Остается лишь надеяться, что мамаша приготовила что-нибудь съестное.

Я звоню в дверь. Звоню долго, умышленно вдавливая звонок большим пальцем. Начало первого ночи, но мама, конечно, не спит. Уже представляю ее стоящей в дверях: все в той же позе, с застывшей

усталостью на лице, и за ее спиной скрывается наш уродливый коридор. Во мне сразу возникает раздражение.

Наконец открыла. Низкая, смуглая, с черными растрепанными волосами, – вот она уже стоит передо мной в своем старом домашнем халате. Опустив глаза (она знает, что иногда ее взгляд меня раздражает) и скав свои бледные губы, она кратким голосом произносит все то же...

– Пришел, Антоша... Я уж волноваться начала...

Глаза мои, зажженные «силовушечкой», при виде ее постепенно начинают угасать. Усталость наваливается и на меня. Что-то тоскливое, обреченное просматривается во всем ее облике. Сегодня это заметно особенно.

– Жрать есть? – равнодушно и грубо бросаю я ей.

Весь промокший, упираюсь одной рукой в побитую старую стену в коридоре, другой рукой стягиваю кеды. Мать как-то тяжело вздохнула.

– Картошку я сварила...

Этот ответ приводит меня в ярость. Я дико голоден и понимаю, что одной чертовой картошкой не наемся. Денег пока не давали. Хотя задолжали уже за две акции. Так бы я, конечно, забежал в круглосуточный маркет, купил бы какого-то сыра, колбасы... Ведь на мамашу надежды нет никакой. Но неужели она не могла купить чего-нибудь?! Ведь ей недавно, насколько я знаю, выдали аванс. Или все опять ушло на погашение долгов по коммунальным?!

– Я что, по-твоему, картошкой наемся?! Я голодный, как бык, не шаришь?! Ведь я целый день ничего не хавал! – сказал я громко, раздраженно глядя на нее. Мой крупный, широкий нос, не единожды битый на тренировках по боксу, злобно сопел в ее сторону. И глаза в этот момент у меня наверняка были выпучены. Действительно, если подумать, – все присущее рогатым, все бычье. Но было как-то все равно. Я ощущал себя хозяином хаты. Хоть и денег за этот месяц в семейную казну еще не внес.

Я почти перешел на крик, не заботясь о том, что у соседей снизу маленький ребенок. За все время они ни разу на меня не пожаловались. С тех пор как я стал бойцом национального корпуса, меня все соседи начали бояться. За мной стояла реальная сила, и я всегда помнил об этом.

Я вижу, как лицо матери меняется. Теперь она уже совсем не смотрит на меня.

– Можешь порыться в холодильнике. Если еще шпроты остались... – едва слышно произносит она.

Я чувствую, как у меня внутри все начинает закипать. Этим шпротам, если они и остались – чего в принципе быть не может, – им бог знает сколько дней. Да и сейчас мне бы хотелось совсем другой пищи. Неужели она не могла сварганить какие-нибудь жалкие пироги с капустой?! Ведь пришла с работы она черт знает когда!

Но еще больше, чем отсутствие жратвы в холодильнике, меня выбешивает вид нашей кухни. Керамический пол весь битый и облезлый, на нем повсюду коричневые пятна, словно гематомы на умирающем теле. Пустой холодильник, который простоявает тут уже десятилетиями: облеплен от морозилки до ножек подарочными магнитами, на которых изображены места и страны, где мы никогда не были. Здешняя мебель по бокам – деревянные обрубки. Откуда их сюда втащили – непонятно. Они совершенно не вписываются в общий фон. Их цвет разве что отвечает цвету коричневых струпьев на полу. Даже свет на этой проклятой, спертой кухне давит на мозги. Тусклый, салатовый... От холодильника

я отхожу к окну и через открытую форточку слушаю, как капает дождь. Пытаюсь хоть немного успокоиться. Однако его равномерный, отстраненный от всего на свете шум еще более усугубляет неприятные чувства. Наваливается безнадега, всей своей массой.

Я стою, повернувшись спиной к матери. Закрыв глаза, упираюсь кулаками в бетонный подоконник. Мать ощущает, как мной постепенно овладевает бешенство. За годы она уже хорошо изучила эти мои проявления и условия, при которых они зарождаются.

— Антон, ну не нужно, а... Ведь уже ночь глухая на дворе, — тихо, умоляюще говорит мама. Этот голос, этот вид... они буквально сводят меня с ума.

Изможденная, она стоит в небольшом проеме, соединяющем кухню с коридором. Над ней нависают деревянные полки, на которых находится всякий хлам: банки, рваные полотенца, миски со времен Второй мировой. Все это давно нужно было выбросить. Я не раз уговаривал ее, но она все время твердит о какой-то памяти, что якобы заключена в этих ничтожных предметах.

В конце концов я теряю самообладание. Я резко поворачиваюсь и от окна перемещаюсь к небольшой тумбе у плиты. Дергаю за ручку выдвижного отделения, где находятся кухонные приборы. Хватаю первое, что попадает под руку — деревянную ложку — и бросаюсь в сторону матери.

— Значит, бездельничаешь тут?! — даже не кричу, а рычу я. От сильного желания ударить ее ложкой по руке разбрасываю слюни. — Ни черта опять нет, да??!

Мать не дожидается, пока я начну ее бить. Она научена предыдущим опытом. Он у нее богатый. Она даже не с криком, а с каким-то мученическим стоном ринулась к двери, ведущей в столовую. Она хоть и пожилая, но довольно юркая. Не зря ведь уже давно работает мерчендейзером. Там ведь тоже требуется ловкость.

Я подскакиваю к двери, но она уже захлопнута. Мать удерживает ручку с той стороны что есть силы, при этом ногой упирается в стену. Это у нее уже давно отработанная система. Она так делала еще при жизни отца.

— Остановись! Милицию звать буду! А-а! — рыдая, грозится мне она, повиснув на ручке.

У нас уже давно полиция, а ей все еще милиция мерещится. В былые годы мы часто бывали в милиции. Обычно после того, как напившись, начинал буйнить папаша. Когда меня не бывало дома, он любил напиться и выплескивал всю свою накопившуюся злобу на матери. Мы носили заявления и забирали их. И так много-много раз. При мне он буйнить не осмеливался. Было несколько попыток, но всякий раз ему крепко от меня доставалось. Правда, один раз, в припадке пьяного бешенства, он разнес мне стеклянной банкой ротовую полость. Мне тогда наложили бесчисленное количество швов. Шрам сохраняется поныне. Но это был один такой случай. Обычно мне удавалось скрутить его еще до каких-либо действий. Мать в такие моменты пряталась за меня. И кричала, точно, как сейчас. Скрученный, отец в хмельном беспамятстве начинал причитать: «Вырастил такую здоровую скотину! Теперь издевается, сволочь! Только и может бить да ломать!» После чего он заваливался на раскладной диван в столовой и долго-долго бился в истерике. Потом, через какое-то время, мне становилось его жалко, и я ходил в магазин за сигаретами для него.

Маленький, темноволосый и черноусый, очень худой, но обладавший громовым басом, – он совсем не был похож на меня. По крайней мере, внешне. Я был значительно выше и крепче. Единственное, что мне от него передалось – это любовь к музыке. Он был меломаном, и у нас в доме до сих пор хранится большое количество пластинок – зарубежных и наших. Больше всего он любил Высоцкого.

И вот теперь, спустя четыре с половиной года после смерти отца-пьяницы, я был в его роли. Как это произошло? Когда? Не помню. Только помню, что в какой-то момент из меня как будто вышел внутренний зверь, наподобие отцовского, и загнать его обратно в клетку мне уже не удавалось.

Я не был мать так, как он – кулаками. Я лишь слегка трепал ее (так мне казалось). А еще изводил ее словесно. Бывало, часами. Стиснув зубы, она обычно молча выслушивала мою брань, мои обвинения. В такие моменты мне кажется, что причина всей этой неудачной и нескладной жизни заключена в ней.

Иногда, перед стычками с ней, я тоже употребляю спиртное. Но в отличии от отца агрессия появляется и в часы, когда я совершенно трезв.

Сейчас, когда я ее преследую, мозги мои как бы работают лучше. Я чувствую азарт, прилив сил, хоть уже ночь. В голове появляются слова, которые в обычном состоянии я никогда не употребляю.

Знаю, что с легкостью могу вырвать дверную ручку. Такое уже было. Но почему-то сейчас этого не хочется. Хочется просто проучить ее, надавить морально.

– Остановись?! Остановись?! – раздраженно хрюплю я, повторяя за ней. Вполсилы тяну ручку на себя. Несколько раз я демонстративно стукнул деревянной ложкой по дверной раме. Не сильно. Но я видел сквозь узоры на закопченном стекле, как от этих постукиваний мать всякий раз шарахалась и громко завывала. На меня она заявлений никогда не катала. Потому угрозу «обратиться в полицию» я не воспринимал всерьез.

Но почему-то именно сейчас мне стало стыдно перед соседями, которые могли слышать ееочные вопли. Я еще более ослабил давление на ручку и в молчании замер, так и стоя у двери.

– Нет... не смей... – по голосу матери, доносившемуся сквозь рывания, я чувствовал, что она тоже понимает – сегодня я не настроен серьезно. А эти проявления – скорее защитные реакции у нее, они срабатывают автоматически.

Знает ведь, что драться не буду. А вой на весь дом устроила, дура! – я чуть было вновь не пришел в ярость.

Но в этот самый момент меня отвлек звонок мобильного, который был засунут в грудной карман мокрой куртки. Меньше всего мне, голодному и уставшему, сейчас хотелось говорить с кем бы то ни было. От звучания этого проклятого телефона заболела голова. Я нажал кончиками пальцев на виски и закрыл глаза. Ощущалось, что мать за дверью ослабила защитный хват и даже убрала ногу от стены. Теперь она только тихонько всхлипывала, едва шевелясь за дверью. Все это говорило о том, что конфликт идет на убыль. Но я знал наверняка, что в любой момент она будет готова обороняться еще отчаяние, чем минуту назад. Часто бывало, что после временного охлаждения, через какое-то время, я набрасывался на нее с еще большей злобой. Она знала об этом, потому была настороже.

В конце концов, я расстегнул карман куртки и схватил чертов телефон. Звонил наш вожак. «Кэп Ожиданный», как мы с ребятами из

боевого корпуса его прозвали. «Ожиданный» потому, что при стычках с нашими идеологическими врагами он ожидался бил их беспощадно. Во время тренировок, в спаррингах с ним, он атаковал нас жестко, не жалея нашей плоти. Рослый амбал, под метр девяносто, он имел связи с теми людьми, о которых нам, простым «чернорабочим», знать было не велено. «Иначе я должен буду вас убить», – говорил с ухмылкой он, но почему-то было не смешно. Все знали, он – может.

Что единственно было известно – они, эти люди, через него давали нам деньги за выполнение заданий.

Через пять минут кротко скрипнула дверь, ведущая в столовую. В дверях показалась мать с еще более изможденным, страдальческим видом. Она едва стояла на ногах. Я уже к тому времени окончил разговор и стоял в прихожей, уткнувшись глазами в стену.

– Ну, что там, Антоша? – тем же заботливым голосом, что и тогда, когда я зашел в дом, спросила мать.

Я окончательно охладел и теперь уже думал совсем о другом. О завтрашнем дне. О новом деле, упомянутом Кэпом в разговоре и на которое мне с раннего утра придется выдвигаться. С одной стороны, ранний подъем казался чем-то мучительным, ведь именно теперь я надеялся наконец выснуться, ну а завтра вечером, может, даже встретиться с моей девушкой – Дашкой. С другой стороны, нам срочно нужны были деньги. Спонсор задолжал нам за две предыдущие акции, и вот теперь, после завтрашней акции, по словам Ожиданного, с нами должны будут расплатиться. Представляемая сумма согревала. Хотя ее, конечно, оципают моментально. Долги за коммунальные, еда, да и Дашка, которую тоже придется выгуливать...

– Ничего. Завтра на работу с утра, – глухо ответил я ей, не поднимая глаз. Не хотелось видеть ее.

– Ну и слава богу... Нам деньги теперь ой как нужны, – сдавленно молвила она и произвела ненавистный мне жест – перекрестила меня. Краем глаза я заметил это. Ненавижу, когда она так делает. Словно умышленно отнимает у меня силы. Я ведь давно отказался от веры в бога. Бойца она делает лишь более слабым и уязвимым. Нам то же говорил Ожиданный на тренингах еще в самом начале, когда макал каждого из нас мордой в грязь. Нам внушали, что мы бойцы-наемники и единственное, во что мы должны верить, – в собственную силу и в важность тех заданий, за выполнение которых нам дают деньги. Но ни сил, ни желания бодаться с матерью сегодня у меня уже не было.

– Пойди кошку лучше покрести, – бросив на нее косой взгляд, я пошел на кухню.

Мурка, которая, вероятно, сейчас лежит в спальне на кровати матери, была любимицей отца. Он кошку любил больше, чем родных людей, которые с ним жили. По крайней мере, я так думаю. К старой Мурке я был равнодушен. О ней пеклась мать. Она служила мне напоминанием об отце. О его пьяных выходках. О его вечных сетованиях на плохую судьбу, которая послала ему «тварь жену» и «ублюдка сына». О его сущности неудачника.

Я поел картошки с остатками найденного в банке малосольного огурца, выпил чаю с сахаром и, наспех почистив зубы, отправился на боковую. Я спал в столовой, на драном раскладном диване, из которого местами торчали пружины. Когда-то на нем спали отец и мать, а я спал в соседней комнате. Теперь там мать, а я здесь – перекатываюсь между впадинами на этом скрипучем, старом, серо-зеленом монстре.

Погасив свет, я лег на спину и стал смотреть в потолок. Надо мной о стекла балкона стучал дождь. Сверху я укрылся пледом. В начале ноября отопление еще не включили, а квартира наша уже была холодной.

Через стену я слышу, как ворочается мать. Время от времени она всхлипывает. Меня начинает одолевать чувство вины. На душе становится горько.

«Вновь не сдержался», — подумал я. Ееочные страдания могут длиться долго. После отцовских побоев она приходила спать ко мне в спальню. Она могла проплакать всю ночь. Иногда мы с ней переговаривались. Я пытался ее утешать. Тогда было очень жалко ее. Теперь она плачет уже из-за меня. И мне тоже ее жаль. Но уже почему-то не так. Видимо, когда кто-то другой является причиной страданий родного человека, мы жалеем его больше. Впрочем, я и сам за последние годы очень изменился. Стал более глухим, толстокожим. Непробиваемым, что ли. Но при моей работе нельзя иначе, я так себя убеждаю.

А ведь мать плачет в соседней комнате не столько из-за моего агрессивного поведения... К нему за годы еще отцовского, более серьезного насилия она привыкла. Конечно, привыкнуть к такому полностью нельзя, но горестные ощущения все-таки притупляются от повторений. Реакции, послевкусие — уже не те. Это заметно. Я это точно знаю. А вот с моей работой, как она не раз выражалась — «скотской», смыкнуться никак не может.

Завтра, седьмого ноября, как сказал мне Ожиданный, у ваты намечается какой-то праздник. Ребята почти никогда не расспрашивают подробностей — что за мероприятие, кто там возникает и почему. Не нужно нам оно. Наша задача обычно заключается в малом: потолкались, покричали стадионные кричалки. Ну, в случае чего еще в табло одному-другому врагу нации дали. «Они ведь предатели, их не жалко», — так настраивали нас еще перед первой стычкой.

Мент нынче не тот пошел. Новая власть сформировала какие-то отряды из журнальных мальчиков и девочек. Максимум — будут предпринимать попытки оторвать нас от ваты. Заключение за подобное не грозит. Мы ведь, можно сказать, сегодня вторая полиция в стране.

Вот и завтра — что за собрище в центре города намечается — черт его знает. Кэп только сообщил, что принимает участие в нем какая-то партия пенсионеров. Ну а мы выдвигаемся навстречу. Чаще всего с пожилыми нам и приходится иметь дело. До рукоприкладства доходит нечасто. Так, скорее потолкаться. Оттеснить иного старпера и заткнуть его поганый ватный рот ватой! Ха, а ведь неплохо сказал...

Рано утром я уже в скверике. Точкой нашего сбора был объявлен этот небольшой сквер, который находится прямо у выхода из метро, за пешеходной дорогой. Это центр города. Здесь находится памятник архитектуры, который очень любят смотреть приезжие. Типа кусок какой-то древней постройки, еще со времен Руси.

Про Русь нам тоже немного рассказывал Кэп. Он говорил, что мы — настоящие потомки русичей, а вся вата — это ордынцы. И потому мы избранные, мы должны доминировать на своей земле и их гасить. Оставалось только поверить ему на слово. Сам я про Русь когда-то в школе немного читать пытался, да все давно выветрилось из головы.

Впрочем, версия Ожиданного пацанам пришла по душе даже без каких-то подтверждений. Круто ощущать себя доминантой.

Утро серое, холодное, хоть дождя и нет. Мы втроем: я, Жека и тоже Тоха, — сидим на деревянных черных лавках. Они сырье, но мы за пол-

часа успели немного нагреть и осушить их задницами. Лавки вмонтировали в цементные ограждения и тянутся они по всей площади сквера, сплошной линией по прямоугольнику.

Мы пришли первыми. Уже традиционно успели баxнуть по пиву для уверенности перед предстоящим заданием. Я с утра наспех перехватил вермишель. Вместо приятной сытости кажется, будто накидал в желудок камней. После пивасика вначале даже слегка подташнивало, но все быстро утряслось.

Я сижу по центру. Слева от меня сидит Жека. Подстриженный под ноль, с темной бородой, низкорослый, но накачанный и крепкий парень. На нем спортивный костюм и еще сверху зимняя куртка. Жеку уважаем за то, что всегда говорит по существу. Также он один среди нас прошел полосу препятствий в одном популярном бойцовском сообществе. Он этим очень гордился. Говорят, там даже опытные бойцы, было, ломались. Хотя Ожиданный считает, что это полная туфта и ложа.

Справа сидит тезка – Тоха. Он весь в черном. Весь какой-то вытянутый и худой, и у него лицо уголовника. Взгляд прожженного бандюка. Говорят, ранее он приторговывал наркотой и даже несколько лет отсидел в колонии. Правда это или нет – мне точно неизвестно, но знаю точно, что у Тохи крепкие кости.

Я надел все то же, что и вчера. Только снизу еще утеплился одним свитером. Мамаша настояла.

– Я так понял, – начал Жека, – вата быковать собирается прям тут за углом, на площади, возле этого... театра. Так нормик вообще. Идти далеко не придется.

Он оглядывается по сторонам. Высматривает на всякий случай – не вызываем ли мы подозрения у патруля. Вокруг нас пробегают люди. Спешат на работу, видимо. Тут везде элитные постройки, в которых зависают высокооплачиваемые кадры. По крайней мере, мне так думается.

Прямо перед нами через скверик пробегает девушка в облегающем пальто. Все мы синхронно поворачиваем головы, глядя ей вслед. За ней тянется приятный запах каких-то дорогих духов. Девушка красивая. Она говорит по телефону и пролетает мимо нас очень быстро. Не обращает на сидящих никакого внимания. Женя что-то сказал про ее ягодицы. Мы поддержали. Мне сразу вспомнилась задница Даши. Она этой стопроцентно уступала.

– Так вообще хорошо, – подхватил первую мысль Жеки про выступление ваты Тоха. Голос у него всегда хриплый, будто сорванный. – Ща ребятки подойдут, из-за угла вынырнем неожиданно и люлей ватанам накидаем... Ага, вот так вот – лови, с-сука! – Жека махнул рукой, показывая, как будет бить вату.

– Неожиданно? – подметил я, – Ты че, Кэпа вспомнил? Ожиданно вынырнем. Ожиданно всыпем падлам!

Почему-то в среде пацанов всегда хотелось говорить более грубым голосом. Все мы втроем одобрительно заржали, типа я сказал что-то меткое.

– И да, доминантам не пристало выныривать неожиданно, – решил продолжить мысль я. – Мы всегда в открытую идем, всегда ожиданно караем! Н-на! – теперь уже я резко хлопнул ладонью по своему колену, не желая отставать от Жеки. И опять дружно смеемся. Потом ненадолго наступает затишье.

– А че там по поводу бабла? – вдруг спросил Жека, сузив глаза.

— Ожидка говорит — сегодня расчет. Ожидка просто так слова не говорит, — хрюпло ответил Тоха и вытаращил на Жеку свой уголовный глаз. Потом он перевел взгляд на сырую бледно-желтую плитку у нас под ногами.

Нам было известно, что Жеке каким-то образом удалось найти девушку из благополучного района. И теперь он вроде как собирался переехать к ней. Бабки нужны были ему теперь не так, как нам.

Тоха, насколько я знаю, вообще перебивается по общагам. То у одного знакомого заночует, то у другого. Даже не представляю, как выживает. Хотя он говорить о своей жизни вообще не любитель. Один раз ко мне просился переночевать, да я отказал. Мамаша, его увидав, такой бы скандал устроила, что и не загасил бы. До крайностей пошла бы в сопротивлении. Иногда она может. Но если честно, мне и самому не хотелось его в хату пускать тогда. Как-то не доверяю я ему, что ли. Хотя побазарить иногда с ним можно нормально...

А день сегодня какой-то неприятный. Сырость очень высокая, вокруг прозрачный туман, и, сидя, я чувствую, как втягиваю в себя нездровый воздух. Думать трудно. Хотя, в принципе, думать особо-то и не о чем. Смотрю на безоблачного Жеку и понимаю, что ему все нипочем. Перевожу взгляд на Тоху. Он все так же беспокойно таращит свой уголовный и какой-то демонический глаз.

Через минуту на выходе из метро появляются Ожиданный, Горилла и Сухарик, а с ними еще с десяток наших ребят. Молодые быки, идущие стаей, очень выделяются на фоне остальных прохожих. Будто какое-то черное, крупное пятно. Кэп привычно в своем счастливом темном кепарике с белой надписью «Резо». Шагает он уверенно, впереди всех, как солдат фортуны, с жесткой улыбкой на лице. Горилла — его правая рука — по габаритам ему не уступает. Но у него лицо попроще, поглупее, что ли. Он у нас чисто тараном служит. А если нужно как-то тоньше думать, в таких ситуациях он не годится. Чуть вправо-влево от своей ломовой роли — и он уже теряется. И еще ходит он точно как горилла. Ну, не совсем, но очень похоже. При ходьбе руки у него болтаются взад-вперед. Сухарик? Ну а Сухарик... он просто Сухарик. Невысокий, плотный и с темными глазами хищной рыбы. Очень любит пожирать «Три корочки» и выставлять в нете видосы с нашими акциями и свои фотки, где он держит в руке свой пневмат. Висит там под ником Фабрицио . Из-за фоток с пневматом пацаны над ним прикалываются. Говорят, мол, «не позорься, лол». А он им: «Вы не шарите, это очень круто и грозно, чтоб тролли ватные боялись стрелы забивать».

Наши парни подходят, и Кэп громогласно нас приветствует. Каждому из нас он крепко жмет руку. Тот же ритуал проделывают и все остальные пацаны. Меня радует их причество. Настроение сразу поднимается, сразу чувствуется оживление какое. Все мы заряжены на общее дело, как воины перед битвой. И ответственность за ее исход нам делить всем вместе. Короче, если провести параллель с компьютерной игрушкой, в окружении своих пацанов из национального корпуса ты получаешь +1 к боевому духу.

Вскоре из-за угла длинного, прямоугольного здания, которое есть продолжение театра, со стороны противоположной той, где проходит ватная демонстрация, появляются ребята ультрас. Они не шифруются. Передние пацаны в строем держат национальные флаги. Ребят достаточно много, еще больше, чем нас, и, похоже, среди них есть даже бэбики — школота, желающая принять участие в схватке. Мелкие орут громче

всех: «Мы – едины! Мы – непобедимы! Слава нации! Смерть врагам!» Известно, что кидать их в бой выгоднее. Ведь в случае нанесения ударов даже крайней тяжести их могут оправдать по малолетству.

Колонну ультрас привычно возглавляет Сирена. Сирена – потому что на стадионе во время матчей он первым заводит кричалки и звучит громче всех. Парень он симпатичный, с прикольной причёской на голове и черной змеиной татуей на шее. Она просматривается у него даже через куртку. Тату у него на теле вообще много, на стадионе я видел не раз. Есть даже рейховские: и свастика, и орел. Наши пацаны этим пока не болеют. Мало у кого из наших тату есть, да и прича по классике – ноль или боксерская, суперкоротко. Вообще раньше у ультрасов мода тоже была пацанская – бритые головы. Это только в последнее время начали появляться хохолки и вот такие челочки, как у Сирены, а-ля фюрер. А теперь еще эти татуи... Как-то по-бабски все это выглядит. Да и не по профессии нашей, если вообще так можно называть то, чем мы занимаемся.

Известно, что Сирена учился в университете. И даже вроде как неплохо. Он активно продвигает теорию арийского превосходства. Половина пацанов из ультрас подсели на эту арийскую тему. Точно всех нюансов не знаю, но знаю, что он вычитал где-то подтверждение, что арийские корни есть и у нас.

Столпотворение в скверике вызывает у прохожих реакцию, теперь это заметно. Люди с какой-то опаской начинают оглядываться на нас и через сквер теперь не идут, а идут в обход. В такие моменты, в кругу других пацанов, ощущаешь свою силу. На самом деле осознавать, что тебя боятся, очень приятно. И я уверен, что к этому стремятся многие. Потому и арийская тема воспринимается многими нашими парнями на ура. Мне она тоже по душе. Правда, насчет наличия этих корней, которые типа есть у нас, а потому дают нам право выступать с позиции силы, – ничего сказать не могу. Конечно, странно, как они к нам попали «через Север», как говорил Сирена. Но теория сама по себе выгодная, для настоящего пацана – тем паче. Это да.

Ожиданный и Сирена по-брратски жмут друг другу руки. Потом приветствуют друг друга выбрасываниями рук с криком: «Слава нации!» Таким же образом братаемся и мы с пацанами из ультрас. Мелкие у них все ритуалы выполняют особенно усердно.

И все-таки Кэп выглядит убедительнее, чем Сирена. Наши его точно больше уважают. За глаза Ожиданный, бывало, называл Сирену инфантальным.

Подымается гомон. Вижу краем глаза, как со стороны дороги, ведущей вниз к центру, на нас поглядывают копы из патрульной машины.

– Ого-го-о! Шашлык-машлык... Ого-го-о, вкусняхе быть! – зазвучало в стане ультрас. Под «шашлыком» здесь надо понимать акт сожжения, то есть то, на что мы готовы пойти в борьбе с ватой в самом крайнем случае.

– Фаеры прихватили? – спрашивает Кэп у Сирены.

– Все будет... Все будет по высшему разряду, – отвечает ему Сирена своим сильным, немного сорваным голосом и указывает на портфели малолеток, в которых наверняка есть фаеры. Мелкие возбужденно ржут.

– Есть даже и «томатное», – говорит предводитель ультрас и показывает намотанную на руку цепь. Некоторые другие парни из фанатского корпуса тоже демонстрируют свои костяшки, окутанные цепями.

— Ова, а это дело! — прохрипел Антоха и, разинув рот, показал свои волчьи зубы.

В скверике будто даже теплее стало от дыхания молодых, полных сил и энергии тел. Пока Сирена и Кэп проводят осмотр прибывших парней, к нам, сидящим на лавках, подходит громадный Горилла.

— Э, вы че, в интеллигенцию записались? — Очевидно, он обратился ко мне, так как заметил, что я сижу, запрокинув ногу на ногу. Я что-то пробурчал ему в ответ, типа «та не гони, Вась», а сам при этом подумал — может, действительно стоит переменить позу, а то еще сочтут ее гейской.

Горилла начал рассказывать сидящим в ряд пацанам из нашего корпуса и теперь тоже ультрасам про то, как он вчера на трене по боксу молотил грушу и с каждым ударом, разя ее все сильнее, вскрикивал: «Вата, сука!» Так он стимулировал себя, чтобы работать активнее.

Среди общего говора было сложно что-либо разобрать. Все парни находились в возбужденном состоянии и желали побыстрее столкнуться с ненавистными «врагами народа». Конечной целью, которую вроде как мы все осознавали, должно было стать полное очищение нашей страны от ватников и предателей. Впрочем, во имя чего это непременно нужно сделать, было не совсем понятно. Нет, предатели, конечно, должны сгинуть. Но вот если представить, что их уже не осталось.... Вообще нигде... Точно ли нам станет жить лучше, нам — не предателям? Ведь, если разобраться, что значит «жить лучше»? Ну, типа жить в мире, процветать финансово. Но вот я смотрю на наших пацанов, многим из которых уже по тридцатке, а то и больше, — гляжу на них и не представляю, как они смогут жить в мире. Мне кажется, они чувствуют себя в порядке только когда рвут кого-то на стадионе, на стрелке или на митинге или что-то ломают... Ну а ультрасы? Их наколки рейховские, они, насколько я понимаю, тоже не к миру зовут...

Может, финансы наши без предателей пойдут в гору и наконец не будет долгов за коммунальные? Наконец мы сможем купить еду, нормальную еду? Но неужели это тоже зависит от присутствия или отсутствия ваты в нашей жизни? Почему-то я в это не верю.

Мне кажется, многие из нас страдают от безденежья потому, что просто делать ничего не умеют. И не хотят даже постараться сделать какое-то усилие над собой, чтоб как-то стать лучше, чтобы знать больше... Ну, вот Горилла сказал: «интеллигенция». Может, наш народ, многие из нас, живет сегодня в бедности и разрухе именно потому, что нет этой самой настоящей интеллигенции: по-настоящему умных и культурных людей, хоть бы и таких, как Ваня, которые могли бы что-то создавать, предлагать какие-то умные, нормальные идеи и вести людей за собой?

С другой стороны, опять же Сирена... Он пацан из обеспеченной семьи, насколько мне известно. Достаточно башковитый, умеет завести народ. В универсе учился и даже хорошо его окончил. Но можно ли его назвать «интеллигенцией»? Вот мы с Жекой, Тохой и Гориллой универов не оканчивали, а не многим от него отличаемся. И ничего нового или умного за все время, сколько я его знаю, я от него не услышал. Что через него бабки текут... Так это оттого, что папка его в структуре футбольного клуба работает, Ожиданный рассказывал. Его ли в том заслуга? По мне так лучше, чтобы в будущем страной правили такие, как Ваня, а не такие, как Сирена.

На время меня словно оторвало от этой реальности, от этого сквера и от привычного окружения молодых бойцов. Я погрузился в свои случайные мысли и пытался отыскать какие-то ответы...

— Уважаемые единомышленники, — вдруг зазвучал громкоговоритель, — мы собрались сегодня здесь, чтобы защитить историю, нашу историю, права на которую нас сегодня пытаются лишить! Сегодня мы отмечаем памятную дату — день Октябрьской революции 1917 года. И как бы мы все ни относились к этому событию — это наша история, это наша память! Сегодняшняя власть, принимая все новые ограничения, цинично пытается ее истребить! Она отнимает у молодого поколения право знать свою историю, право гордиться своими предками! — Это гремело с широкой площади, раскинувшейся у театра. Все наши бойцы внезапно притихли, словно перед бурей, слушая голос пожилого «предателя». Но уже в следующий миг раздался охотничий рев, как в стае хищников, которые учудили запах крови.

— А-а-а, на барбекю-у! — заорали в один голос наши пацаны и ультрасы, одновременно направив свои взгляды сквозь кирпичную стену, через высокую тянувшуюся постройку туда, откуда донесся призыв и где, по-видимому, уже собирались все ватаны. Мы почти синхронно вскочили с сидений. В центре появилась фигура Ожиданного. Он принял свою фирменную позу авторитета — сложив крепкие руки на груди, он уверенно смотрел из-под кепки на ребят из нацкорпуса, которые стояли полукругом напротив него. Однако речь его была обращена ко всем, и к ультрасам в том числе. Сирена стоял с боку от него, ближе к своим, и, держа руки в карманах, приготовился внимательно слушать.

— Значит, так, — привычно начал Кэп. — Разведка доложила, что вата сгрудилась на площади перед театром, между первым рядом ступеней и вторым. То есть — заняла высоту. Лицевая часть здания оцеплена копами....

При упоминании о копах некоторые наши пацаны заржали.

— Это цветные, что ль?! — послышалось в среде ультрас.

— Какие ни есть, а копы, — серьезно ответил Кэп. — Вату по линии первых ступеней тоже прикрывают две колонны копов. Сепаров там немного, а потому оградили их без труда и умело. О том, что мы идем, им тоже известно. Стычки ожидают и те и другие. Это ясно. Далее, — без какой-либо остановки продолжал Кэп. — У ультрасов есть метательные снаряды: помидоры, камни, яичные, — тут он как-то странно усмехнулся и повернул голову в сторону Сирены. Тот в ответ тоже заулыбался. Ультрасы начали задорно шарить по карманам.

— Там много чего найдется, — со знанием дела ответил предводитель фанатского корпуса.

— Это хорошо, — одобрил Ожиданный и вновь продолжил давать указания: — Подходим несколькими колоннами, один за другим, ма-ксималь-но близко к копам. Потом рассыпаемся в шеренгу, давим по всему фронту и забрасываем ватных ублюдков всем, что попадет под руку! Если мелким, — тут он указательным пальцем отыскал молокососов с портфелями, — удастся поджарить фаерами сепаров, пусть считают, что боевое крещение прошли.

— Мочи их нещадно, братва! — заорал, кажется, Сухарик, сверкнув своими глазами хищной рыбы или рептилии. Пацаны поддержали его призыв.

— При случае, — напоследок обратился к нам Кэп, — можно и крюком попытаться достать или, на крайняк, ботинком... Впрочем, не мне вас учить. Но по копам не целим! Это ясно? Мне потом нефиг делать — из обезьянника вас доставать...

Бойцы отреагировали утвердительно.

— Короче, сколько пространства дадут — на столько и щемим! — подхватил Сирена своим высоким подростковым голосом. — Максималка — это оттеснить их к верхним ступеням, чтоб при переходе попадали на хрен на свои ватные седалища! — кончил он свою мысль и, привычно выбросив руку, заорал: — Ого-го-о, шашлык-машлык! Ого-го-о, вкусняхе бы-быть!

За ним подхватили сперва ультрасы, а потом и мы.

Потом все стали организованно строиться в колонны.

По бокам шли малолетки-знаменосцы. Они шли как-то неестественно, слишком выгнув свои щуплые спины, спрятанные под толстыми пуховыми куртками, которые им купили родители. Наверняка прогуливают школу...

Знаю точно, что сегодня на базе нашего корпуса формируют отряды из тинов. Помню, мы с пацанами угорали со смеху, когда слушали одного из таких «защитников государства». Он рассказывал нам, что ему дает членство в национальном корпусе. Пятнадцатилетний тощий тин с неравномерно бритой, пятнистой и маленькой головой, по форме напоминавшей яйцо, со следом драки на губе и как будто обидой в глазах, — он доказывал нам в зале, что теперь он независим. Говорил речитативом, топыря пальцы. Мол, учителя в школе теперь боятся ему двойки ставить. Телочки в классе как-то по-другому начали на него смотреть, а пацаны-однокашники зауважали и теперь быковать на него не осмеливаются.

Как все это знакомо. Все мы тогда себя самих в нем видели, в том возрасте. Интересно еще... вот я думаю: почему почти все тины в нашей стране, да и не только в нашей, наверно, именно такие, как этот? Ну, или в каждом почти есть что-то от него? Хоть этих наших возьми, знаменосцев... Вот ему только пятнадцать лет, а в нем уже столько дерьма. Во взгляде его, в разговоре, во всех движениях оно ощущается и словно прорывается наружу. Говорят, что типа это подростковое и что со временем оно проходит. Но я смотрю на нас, бородатых тридцатилетних мужиков, и понимаю, что оно ни фига не проходит. Опыта жизненного становится больше, да. Но невежества меньше не становится. Мы все какие-то ограниченные. Вот тот, подростковый, круг интересов — он остается для нас по-прежнему основным. И потому я думаю — может ли быть иначе? Может. У меня есть примеры. Но это исключения из общей массы. А в большинстве случаев все остается неизменным: привычки, мысли, цели и желания. Все, все то, от чего мы получали удовольствие, будучи школьниками, — все это, как и раньше, представляет для нас первую ценность. И вот я смотрю сейчас на этих мелких... теперь и они движутся по тому же пути. Это уже сейчас понятно. Но вот еще... ведь из ниоткуда что-то не берется, правильно? Значит, вся наша жизнь построена таким образом, что мы впитываем в себя с малых лет все самое худшее. И оно потом на протяжении многих лет, если не всей жизни, руководит нами. И нет какой-то альтернативы, что ли... Но если подумать, содержание того, что мы впитываем, может быть другим? Ведь может. Может же! Подростки впитывают в себя худшее из каких-то источников, верно? Значит, сами эти источники загажены доверху. Значит, они, источники эти, специально работают на то, чтоб люди вырастали такими, какие сегодня есть большинство жителей нашей страны, — необразованными, не знающими культуры, каких-либо манер. Ну а что если источники очистить от грязи и наполнить их чем-то другим?

Черт, почему эти бесполезные мысли нападают на меня именно теперь, перед делом, от удачного завершения которого зависят мои бабки? Голова уже от них трещит. А нужно сконцентрироваться на вате. Теперь очень надо.

Наш суровый отряд уже вывалился за пределы скверика. Мы зашли за угол продолговатого здания, «лицо» которого ранее было обращено к нам харчевнями и станцией метро. Теперь мы спускаемся вниз, к площади. Слева от нас – центральная дорога. Там стабильно по утрам пробак. Справа – все то же здание, только теперь нам подмигают банковские конторы, дорогие салоны и магазы топовых шмоток. Боковая часть здания цвета плесени.

Мы движемся под громкие возгласы. Я ограничиваюсь коротким: «Слава нации! Смерть врагам!» Кричать что-то другое, более длинное, западло. Поднимаю настроение, штучно накручивая себя изнутри. Пацаны же разоряются во все горло про «шашлык», про «чемодан и вокзал». Впереди, прямо перед выходом на площадь, откуда на нас уже устремили взгляды копы (а их здесь до фига и больше), путь нашим колоннам перегородила дорогая иномарка. Нам приходится аккуратно обходить ее. Строй от этого немного рушится. Горилла, идущий следом за Кэпом и Сиреной, замахнулся на машину кулаком, как будто желая ее ударить.

– Так бы и раздробил на хрен! Не, ну какой урод здесь ее поставил?! – Но двинуть по «ламборджини» он, конечно, не осмелился. Что, если она принадлежит кому-то из тех, кто платит нам за акции? Ведь тогда Гориллу просто сожгут заживо.

Я иду по левую сторону, прижимаясь к дороге. Из машин на нас с любопытством смотрят люди, как на каких-то редких зверей в зоопарке. Я улавливаю их взгляды, и мне это не нравится. Некоторые автомобилисты начинают сигнализировать. Что они хотят этим сказать? Наверное, выражают свою поддержку.

Наконец мы веером вываливаемся на площадь. Здесь, на широком пространстве перед театром, всегда сильный ветер. Он ударяет мне в лицо холодом, я хмурюсь. Некоторые ультрасы к этому времени успевают натянуть на лица темные балаклавы. Перестроившись вновь, мы организованно движемся по направлению к стоянке ваты. Даже издали можно определить, что их не больше сотни человек. Они выстроились в два ряда, между первыми ступенями на возвышенности и вторыми, ведущими уже к театру. Те, которые стоят в центре, удерживают плакат. «Не отдадим свою историю преступному режиму» – выведено на нем красным жирным шрифтом. Точно красная тряпка для нас.

– Пацаны, давай металку! Сейчас будем жучить эту мразоту! – звонко скомандовал Сирена идущим позади. – О-о-о! – отзывались мы хором на его призыв.

Ребята повытаскивали из карманов предметы, заготовленные для метания: помидоры, яйца, камни. Я тоже намутил себе томат, изъял его у одного малолетнего ультраса.

Заметив, как быстро мы приближаемся, копы организованно смыкаются перед первыми ступенями. Таким образом они защищают вату с фронта. Я вижу, как стражи порядка медленно берут нас в кольцо, поджимая с боков. Взглядом они выискивают опасные предметы, которые можно использовать при метании.

Кэп твердо шагает впереди и грозно глядит на копов, преграждающих нам путь. Но в момент, когда до столкновения с копами остаются

считанные метры, он резко останавливается. Вместе с ним затормозили и все мы. Это отработанная схема командора. Через мгновение он поднимет обе руки, повернутые ребром ладони в сторону копов и ваты. Это послужит для нас сигналом к наступлению. Мы перекинемся вплотную к стражам и будем пытаться всеми возможными способами достать через них до сепаров, а Ожиданный, как тот персидский король из фильма про Македонского, будет руководить боевыми действиями.

С самого начала, как только мы вышли из-за угла, из стана ваты на нас посыпались проклятия и оскорблении. «Нацизм не пройдет! Зачем вы пришли сюда?! Убирайтесь вон!» – кричали они нам, в то время как мы нашей суповой стаей приближались.

Среди них большинство – пожилые люди. Теперь это заметно. Молодежи почти нет. Мне удается уловить очертания нескольких молодых девушек, стоящих в рядах. Одну – в центре ватного соборища, за широким плакатом, другую – на левом фланге сверху. Та, что стоит по центру, кажется более симпатичной.

Наконец Ожиданный дает сигнал. По команде мы начинаем движение вперед. Мы прем на митингеров и к первой копской цепочке, застывшей намертво. С боков в то же время нас начинают прессинговать другие стражи. Вот я уже вижу перед собой напряженные лица копов передней, сдерживающей линии. Эти ребята нервничают и, очевидно, в любой момент готовы применить шокеры, резиновые дубинки, скручивания вручную.

После молниеносного рывка мы резко тормозим прямо перед лицами стражей. Теперь сепаров можно разглядеть получше. Адекватные силы у них отсутствуют. Первое впечатление подтвердилось: пожилухи, дедки и пара молоденьких цып – вот и вся ватная армия. Пацаны это тоже замечают. Ощущение перевеса в физической силе опьяняет их. Они сathanеют. Чувствуется злобное, раздраженное дыхание крупного зверя, наблюдающего за беспомощной добычей. На меня же в этот момент находит какое-то отупение. Ничего не испытываю, просто понимаю, что нужно как можно лучше выполнить работу. Бабки нужны позарез.

– Прягайте отсюда, суки! Сожжем! – страшно заорал Сирена.

– Слыши, мразота, трубу положи иди сюда! Я тебя жрать буду! – прорычал возле меня Тоха и направил всю свою уголовную энергетику на дедка с громкоговорителем. Тоха угрожающе потянул свою руку в его сторону между головами двух копов. Один из стражей при этом, кажется, произнес: «Спокойнее». Копы крепко держали друг друга под руки.

– Ты чего пришел сюда? Мы вас не трогаем – и вы нас не трогайте! Лбы молодые, здоровые... как не стыдно! Дела найти себе не можете? – прокричал слабым голосом дед Тохе.

Это замечание вывело из себя и меня. Ведь мы здесь и заняты делом. Мы защищаем страну от таких ватанов, как он. Вставать рано и идти на дело, рискуя собой, почти ежедневно тренироваться в зале... и после этого я – бездельник, значит?! Да этот старый пень даже не представляет, что такое настоящие нагрузки. Он тяжелее банана в своей жизни ничего и не держал!

Это замечание про бездельников вызвало особую реакцию и у других пацанов.

– Хрыч старый, ты – наше дело! – закричал я, уткнувшись твердой прокачанной грудью в низкорослого, но крепкого копа. Я услышал,

как он со злобой в голосе обратился ко мне: «Сохраняй дистанцию» и сверкнул черными глазами исподлобья.

— Иди сюда, чудовище лесное, бабенка ссыкливая! — донеслось с правого фланга ультрасов. — Думаешь, не достану тебя?! К праотцам отправлю, суку! — разъяренно бросил деду Сирена.

— Сюда, сюда иди! Что, обгадился?! — задорно прикрикнул Жека, не отставая от других. Наши голоса, при итоговом подсчете, это тоже наша активность, а значит — и наши деньги.

— Мальчики, если у вас силы столько, почему воевать не едете? Что, с нами, пенсионерами, воевать собрались? Да много ли в том чести?! — крикнула нам с первого ряда седая морщинистая тетка. Из-под плаката помимо лица торчал только воротник ее бледно-розовой куртки.

— А у них смелости не хватает! Там ведь и убить могут! С тем, кто слабее тебя, справиться, конечно, проще! — тут же поддержала пенсионерку та молодая симпатичная девушка, которую я увидел еще издалека. Она стояла рядом с дедком-заводилой, тоже за плакатом. Девушка бросила нам это очевидным упреком, она выглядела почти бесстрашной в этот момент. Теперь я мог разглядеть ее получше. Мне понравилось ее лицо. И длинные каштановые волосы. И серое пальто, едва видимое, но которое, очевидно, хорошо сидело на ней.

Я прочел по губам, как дед с громкоговорителем тихо шепнул ей на ухо: «Оля (или Юля), не нужно...» При этом он сделал движение рукой, как бы желая сказать: «Не провоцируй ты этих».

— Слыши, овца, ты к нам сюда спустилась, мы тут силу тебе покажем! И силой тебя возьмем! — тут же крикнул девушке Сирена. Мне это как-то не понравилось.

— Ага-ага, киса, иди-ко к нам! У тебя секаса давно не было, видно?! Шо, дома не сидится?! — посыпались на девушку с разных сторон оскорбления. Но меня, в отличие от наглого дедка, она не раздражала. Пацаны же, наоборот, злобно ржали, осыпали ее пошлостями и самыми грязными словами.

Девушка молча и теперь уже испуганно смотрела в нашу сторону.

— Пацаны, давай снаряды! Ща покажем этим ватным вылупкам! — прокричал Сирена, и по его команде в руках у пацанов появились заготовленные боеприпасы. Мгновенно в митингующих полетели разные предметы. Я киданул помидор куда-то в дальний левый участок, специально подальше от той девушки. Ватники начали охать и закрывать лица рукавами. В деда с громкоговорителем прилетело несколько яиц, но он все еще продолжал стойко удерживать свою позицию. Плакат разошелся пятнами от томатов. Копы, и так поджимавшие нас со сторон, сразу после артподготовки взяли нас в клещи. Они начали демонстративно хватать стоящих с краю за руки, делая показушные замечания: «Ничего не кидать!» Меня один из них, тоже шкет, схватил за локоть. Захотелось на инстинкте врезать ему с правой, но я сдержался.

— Шо ты?! Я чист, вот... То помидорка прилетела. И шо?! — я показательно развел руками, указывая на то, что ничего запрещенного с собой не принес.

— Слыши, рагуль, смотри ж... Потом найдем, — жестко ответил одному из стражей Жека в ответ на попытку полапать. Тот молча, опустив взгляд, продолжал его ощупывать.

— Не быкуйте. Общее дело делаем! — по-домашнему обратился Ожиданный к копам, стоя немного в стороне в своей фирменной нерушимой позе наблюдателя. Копы к нему не подлезали.

— Ах вы, сволочи! Гады эдакие! — полилось в ответ на нашу метательную атаку из ватного стана. Некоторые из митингеров повынимали платки, стирая с лиц и верхней одежды следы от продуктов. Казалось, они уже были почти деморализованы. Утерлись, одним словом. Последним оплотом оставался только их предводитель — лысый старый ватан, по-прежнему державший спину прямо.

После артиллерийского огня последовал, как и водится, прорыв. Перед нами стояла задача — во что бы то ни стало сорвать этот ватный шабаш, и лучшего момента нельзя было придумать.

— Я тебе плакат в задницу запихну сейчас, упырь старый! — вдруг зарвал Горилла, наш проверенный, закаленный в боях таран, и бросился через сомкнутых копов к плакату. Он специально притаился в самом конце, чтобы в нужное время набрать разгон и потом, маневрируя между пацанами, неожиданно выпрыгнуть из толпы, пробить собою живой заслон.

Пацаны поддерживали его прорыв громкими возгласами.

— Горилка, давай! Встревай! — вопил возбужденный Сирена, пританцовывая на месте. Громадный бык, Горилла сперва буквально повис на копах, на замке сложенном из двух тренированных рук. Но через миг он потянул уже нескольких стражей за собой к земле. Потом, быстрее всех сориентировавшись на сырой плитке, он снова резко вскочил на свои мощные ноги, бросился к первому ватному ряду и что есть силы рванул неугодный плакат.

Тут же на помощь рухнувшим копам пришло подкрепление. Они попытались схватить Гориллу под руки, но он начал отчаянно сопротивляться. Падение плаката разоблачило дедовскую военную форму. Теперь дедок с громкоговорителем стоял перед нами весь в орденах, они светились на его старой шинели. Среди них были красные, белые звезды, головы каких-то мужиков. Казалось, некоторые из них я уже видел.

— Ах ты, дрянь такая! — рассержено отреагировал дед на падение плаката и, бросив на землю громкоговоритель, подлетел совсем не постариковски к Горилле, которого оттаскивали копы. Своим ботинком дед пнул его в ногу. На черной штанине Гориллы тотчас появился грязный след от попадания.

— Убью, сука! — яростно заорал Горилла и теперь уже с новой силой бросился в сторону деда. Руки его к этому времени были скованы многочисленными хватами копов. Однако внезапным сближением и мощной подсечкой он сумел сбить старика с ног. Горилла стремился высвободить руки, наброситься на деда еще сверху с кулаками, но, к счастью для старого ватника, руки заблокировали слишком качественно. Он просто навис над лежащим дедом своей могучей грудью.

На защиту парня из нашего корпуса мы бросились не раздумывая. Но с боков нас, точно твердой стеной, поджали копы. Я ощутил, как слева коп всей массой своего тела больно уперся мне в бок. Несмотря на это, мне почти удалось пробиться к старому ублюдку, но преодолеть решающее расстояние мешали стражи. Казалось, они давят отовсюду: с боков, под ногами. В любой момент я был готов принять удар дубинкой в лицо или по башке. Дед, в отличии от других митингеров, не отступил выше. Ему помогли подняться, и теперь он продолжал плевать в сторону скованного по рукам и ногам Гориллы. Чувство самоохранения во мне окончательно притупилось. В ярости мне удалось просунуть свободную руку между копами и сверху захватить деда за

его лысый череп. Я сжимал пальцы как можно сильнее, понимая, что если отпущу – он уйдет от наказания.

– Мр-разь, уничтожу, – прошипел я, задыхаясь от злобы. На тело мое оказывалось со всех сторон страшное давление. Но, охваченный яростью, я не замечал ничего. Я видел только сотрясающего воздух под моим верховым захватом старого ватника. Я чувствовал его гладкую, скользкую голову ладонью, подушками пальцев.

Наконец, не без помощи копов, больно сдавивших мне руку, дед вышел из-под моего захвата и вновь повалился наземь. К нему тут же попытались пробиться пацаны из ультрас через разрыв в коповской линии, но на защиту деда стала та симпатичная девушка.

– А ну назад, ушлепки, иначе!.. – она выставила против лиц ультрасов, максимально близко подошедших к деду, газовый балончик. У находившегося впереди Сирены лицо будто исказилось от страха, и он даже как-то смешно сложил трубочкой свои губы. До этого я не видел его таким никогда.

– Пацаны! – завопил предводитель ультрас не своим голосом. – Пацаны, газовая атака! Отступай!

Девушка не использовала балончик, однако все передовые ультрасы, прикрывая лица рукавами курток, начали в панике перебирать ногами в обратную сторону. Парни из нашего корпуса, наблюдая за этим позорным отступлением, лишь неодобрительно мотали головами со словами: «Блин, ну и ну...»

Деду вновь помогли подняться. На этот раз две какие-то пожилые бабы. И теперь, когда нас снова оттеснили, отряхиваясь, он вполголоса произнес: «Загубленные головы. Не ведают, что делают». Среди общей шумной неразберихи я почему-то отчетливо услышал эти слова. Мой гнев почти сошел на нет. Его затмила боль в боку. Стало даже как-то душно. Я продолжал смотреть на деда, не сводя с него глаз. В какой-то момент мне даже показалось, что я его знаю. Что я где-то видел его прежде. И теперь, будто призрак, он восстал здесь, на площади передо мной. Я посмотрел на свою потную ладонь, которой еще недавно удерживал его лысую башку. И в этот момент меня словно стрелой пронзило воспоминание. Фото, которое когда-то давно, в детстве мне показывала мать. На нем был изображен мой дед, фронтовик, которого при жизни я так ни разу и не увидел. Он умер за несколько лет до моего рождения. Мать рассказывала, что он был шофером на фронте, во время Второй мировой. И теперь я смотрел на этого старого ватника, медленно поднимающего с земли громкоговоритель, и не мог поверить своим глазам. Он был страшно похож на того, моего родного деда. То фото и этот облик... как две капли воды! Я чувствовал, как на лбу у меня проступает пот. Контролировать тело в орущей толпе становилось все труднее.

И эта звезда у него на груди. И эти редкие волосы на висках!

В какой-то момент дед повернулся ко мне в профиль. Его взгляд, выражавший горечь, разочарование, был устремлен куда-то вдаль. Между нами словно стерлись расстояние и живые препятствия. Через мгновение глаза наши встретились. Не знаю почему, но я был уверен, что сейчас, в эту минуту, это уже не он смотрит на меня, не этот старый хрыч, получивший по заслугам, а мой дед, давно умерший! О жизни которого я не имел ни малейшего понятия. «Боже...» – внезапно пронеслось у меня в голове. Время как будто замедлилось. Я смотрел на него, а он на меня. Он смотрел так, словно хотел обратиться ко мне. Но не от своего имени... Куда девались голоса и звуки, меня окружающие? Я не мог

пошевелился. Я не мог отвести взгляд в сторону. Мне был доступен только этот единственный поток, канал, соединявший меня с ним...

— Антоха, ты че?! — вдруг окликнул меня Жека и крепко схватил за руку.

Мы уже были порядком оттеснены. Значит, при отходе ноги мои все-таки двигались в такт с остальными. Хоть я этого и не помню теперь.

— Ничего, — ответил я, взглянув на него рассеянно. — Просто устал, наверно, — и даже как-то по-идиотски улыбнулся.

— Да ты че, крапаль?! — усмехнулся бодро Жека. — Даже в драке по-нормальному не поучаствовали в этот раз. Но бабосики все равно получим. Виши, ватаны подтерлись и отступают. Карнавала им не будет.

Митингующие, в окружении копов, действительно сваливали. А не-подалеку в фургон паковали Гориллу.

— Волки позорные! — хрюплю крикнул Тоха копам, сложив ладони на губах.

— Фу, копы цветные! Мы дули вам в глаза! Фу-бу! — кричали ультрасы, взятые в кольцо. Громче всех разорялся Сирена. Очевидно, он уже отошел от позорного испуга. Но его видели пацаны, и они это ему припомнят. Его авторитет был публично подорван.

— Братва, жду выручку! — крикнул нам Горилла, после чего вместе с несколькими копами исчез в «бобике». Мы его поддержали аплодисментами, а пацаны-ультрасы исполнили в его честь привычное: «Ого-го-о!».

— Не паникуй, обезьянка, скоро вытащим! Не впервые уж... — поддержал его Ожиданный и поправил свой кепарик.

Я же чувствовал дикую усталость. Это странное, нездоровое видение, и те ощущения, которые пришли с ним вместе, заставляли меня задуматься о здоровье. «Может, у меня уже крыша едет?.. — в испуге подумал я, стоя среди разгорячённых, скандирующих что-то пацанов. — А может, просто плохо спал... Надо выпастися — и все пройдет!»

После получения бабла, все же в количестве меньшем, чем многие предполагали, было решено завалиться в бар на пивасик. Но у меня с чего-то дико разболелась голова, и я отделился от компании. Дома, к вечеру, я и вовсе разболелся. Давление на мозги стало невыносимым. Мамаша накладывала мне на голову холодные компрессы. Но это не помогало. Я закрывал глаза, и мне все время мерещилось это проклятое фото и вместе с ним этот покоцанный дед на площади. Ощущение слабости физической и моральной меня страшно бесило.

— Это проклятое фото нужно разорвать и выбросить, — сердито сказал я матери, лежа на диване без сил. Она как раз подошла менять компресс.

— Какое фото, Антош? — не без удивления спросила она.

— Да ничего... — помолчав, ответил я.

Теперь мне казалось, что я сморознул дичайшую глупость. Я закрывал глаза, и пораженные мысли буквально съедали меня.

«Проявил перед пацанами слабость... Хуже этого бабского Сирены! И теперь оправдания ищу... Мистик хренов! Надо было просто рвать, рвать этого старпера... за Гориллу, за наше общее дело! У-ух... но что же так башка-то болит?! Ведь и драки даже не было...»